

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

СТИХОТВОРЕНИЯ
НА СЛУЧАЙ, ПОСЛАНИЯ,
ПОСВЯЩЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ,
ОТРЫВКИ

Афанасий Афанасьевич Фет
Стихотворения на случай,
послания, посвящения,
эпиграммы, отрывки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22110818

Стихотворения на случай, послания, посвящения, эпиграммы, отрывки:

Аннотация

«...Стихом простым, стихом случайным, Назло альбомам и стихам, К воспоминаньям грустным, тайным Поползновенья я не дам...»

Содержание

«Нет, сколько козней ты ни крой...»	4
«Григорьев, музами водим...»	5
Эпиграмма	6
Автору стихов «Безымянному критику»	7
«В зверинец мой раскрыты двери...»	10
«Поднялася пыль степная...»	13
В альбом А. Я. Марченко	14
А. Л. Бржевской	15
«Я жертву приносил обильную Прияпу...»	16
«Пусть критика и злобна, и зубаста!..»	17
«Поднять бокал в честь дружного союза...»	18
«Весь переезд забавою...»	19
Ответ старого поэта на 37 году от роду	20
«Возвестил народу...»	21
«Поэт, пророк, орловский знатный барин...»	22
Эпиталама графу Л. Н. Толстому	23
И. С. Тургеневу	25
Н. А. Офросимовой при посылки двух пуговок	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Афанасий
Афанасьевич Фет
Стихотворения на случай,
послания, посвящения,
эпиграммы, отрывки**

**«Нет, сколько козней
ты ни крой...»**

Нет, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда,
Пошлю я в лавку за икрой
И ждать не стану до обеда.

1838

«Григорьев, музами водим...»

Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный,
И вопиет с осанкой важной:
«Вострепещите!» мой Вадим.

1839?

Эпиграмма

Он в идее вечно жаден,
А в конкрете он свиреп,
Догматически нескладен
И практически нелеп.

1842

Автору стихов «Безымянному критику»

*(М. Дмитриеву, который поместил их в
«Москвитяине»)*

Как тебе достало духу
Руси подличать в глаза?
Карамзин тебе даст плюху,
Ломоносов даст туза.

Кто ни честен, кто ни славен,
Будет славен сам собой;
Ни Жуковский, ни Державин
Не нуждаются тобой.

Будь каких ты хочешь мнений
О России до Петра –
От твоих стихотворений
Не прибудет нам добра.

...

Где ответ на глупость эту?
И кому тебя судить?
Нет, не мирному поэту, –
Надо в клинику сходить.

...

Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать ни взять
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.

Где народности примеры?
Не у Спасских ли ворот,
Где во славу русской веры
Кзаки крестят народ?

Да, у нас на месте лобном,
На народной площади,
Калачи так славно сдобны,
Что наелся и – ...

Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.

Да, Россия властью вашей
Та же, что и до Петра;
Набивает брюхо кашей
И рыгает до утра.

Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине

И печатают эклоги
У холопьев на спине

Ноябрь 1842

«В зверинец мой раскрыты двери...»

В зверинец мой раскрыты двери,
Зверей подобных в мире нет,
Рассортированы все звери,
И каждому дан свой куплет.

Вот Крюднер, капитан хохлатый,
Он привезен из дальних стран,
Молодцеватый, грубоватый,
А вот при нем его Бриган.

Вот Кащенко – и Петр, и Павел,
Я в клетке их держу одной,
Зверьки ручные, честных правил
И по-домашнему с лентой.

Вот Пален; петухом ли шпанским,
Аистом ли его назвать?.
Он поится одним шампанским;
Полегче, ног бы не сломать!

Вот Рап-кобель. Каким-то чудом
И Агапей при нем всегда.
Кто кобелем, а кто верблюдом

Заняться может, господа.

Кази усами разукрашен,
Турецкой силой одарен.
Он бородою только страшен,
И до клубнички падок он.

А вот Кудашев; он был князем
Вдали, на южных островах;
Силач, он всех кидает наземь
И татуирован в...

А вот Краевский; с пальмы южной,
Страны полуденной жилец,
Но как обманчив вид наружный:
Он только с виду молодец.

Вот Клопман; ящик с зеркалами,
В помадной банке корм стоит,
Что день, то щетка; он духами
От головы до ног облит.

Вот отделение мелкой птицы:
Борисов, чтобы не забыть;
Он к нам приехал из столицы
«Мое почтенье» говорить.

А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящичке простор;

Та крошка Фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.

Вот Иваненко для закуски,
В бараньих завитках кругом;
Не знаю, шпанский или русский,
Но только знаю – с курдюком.

1845

«Поднялася пыль степная...»

Поднялася пыль степная,
Солнышко взошло,
Всюду сбруя боевая
Блещет как стекло.

Август 1845

В альбом А. Я. Марченко

Стихом простым, стихом случайным,
Назло альбомам и стихам,
К воспоминаньям грустным, тайным
Поползновенья я не дам.

Весны обманчивой жилища,
Минутных роз минутный друг,
Без сожаления, как птица,
Перенесись на нежный юг.

Звездам Украины полудикой,
Как в дни былые, не молись:
Иной картиною великой
Поражена, остановись!

Твой женский глаз, лучом поспешным
Окинув моря благодать,
Подметит то, чего нам, грешным,
Во век веков не увидеть.

А. Л. Бржевской

Я вам пророчил поклоненье,
Венец прекрасному челу,
И расточал свое уменье
Воздать вам должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Не больше сделает добра,
Как театральная афишка
О пьесе, сыгранной вчера.

9 сентября 1847

«Я жертву приносил обильную Прияпу...»

Я жертву приносил обильную Прияпу
И жаждал новые во храм его снести,
Но бог велел меня немедля к Эскулапу
Вулкановой супруге отвести.

В изгнании моем я долго тосковал,
Кляня всех нимф, как самых злобных фурий.
Суровый бог мне ноги заковал,
А расковал услужливый Меркурий.

Теперь намерен я, чтоб больше не страдать,
То всякий раз, как я пойду к Прияпу,
Чтоб грозный бог не мог меня узнать,
На плешь надвигивать спасительную шляпу.

1852

«Пусть критика и зlobна, и зубаста!..»

Пусть критика и зlobна, и зубаста!
Не тронуть ей меня;
Пегасу я сказал на время – баста,
Сажуся на коня!

Между 1848 и 1853

«Поднять бокал в честь дружного союза...»

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!

Январь 1856

«Весь переезд забавою...»

Весь переезд забавою
Казался; третьим днем
И морем мы, и Травою
До Любека дойдем.

И как бы ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.

Конец июля или начало августа 1857

Ответ старого поэта на 37 году от роду

Не поноси Замоскворечья,
Еще ты мало с ним знаком.
Не наноси ему увечья
Своим зловредным языком.

Декабрь 1857

«Возвестил народу...»

Возвестил народу
Уж с горы Афонской
Бэда-проповедник,
Что, быть может, к году
У мадам Полонской
Явится наследник.

22 октября 1858

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...»

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя,
Что я не Греч и не Фаддей Булгарин?

1859

Эпиталама графу Л. Н. Толстому

Кометой огненно-эфирной
В пучине солнечных семей,
Минутный гость и гость всемирный,
Ты долго странствовал ничей.

И лишь порой к нам блеск мгновенный
Ты досылал своим лучом,
То просияв звездой нетленной,
То грозным, пламенным мечом.

Но час и твой пробил, комета!
Благослови глагол его!
Пора свершать душе поэта
Свой путь у солнца одного,

Довольно странствовать по миру,
Пора одно, одно любить,
Пора блестящему эфиру
От моря сушу отделить,

Забыть вражды судьбы безбрачной,
Пути блудящего огня,
И расцвести одеждой злачной
В сияньи солнечного дня.

Октябрь 1862

И. С. Тургеневу

Тебя искал мой стих по всем концам земли,
И вот настиг он в Rue de Rivoli.
Не знать, куда писать, меня ужасно бесит:
Затем-то затвердил я номер 210.
О чем писать? о чем? Как туп такой вопрос!
Когда б я разом мог всё то, что лезет в нос,
Сказать иль очеркнуть стихами или прозой,
Так я бы не стоял, как тот осел над розой,
Которого ты нам на невских берегах
Так ясно указал в журнальных крикунах.
Люблю, в согласии иль во вражде открытой,
С тобой беседовать, поэт наш знаменитый.
Ценя сердечного безумия полет,
Я тем лишь дорожу, кто сразу всё поймет –
И тройку, и свирель, и Гегеля, и суку,
И фриз, и рококо крутую закорюку,
И лебеда в огнях скатившегося дня, –
Ну, словом, чуткий ум душе моей родня.
Ты понял и теперь, что этими словами
Хвалю я не себя. Подобными хвалами
Пусть забавляется тот юный хор калек,
Который думает: «Всё понял человек».
А мы – зайдет ли речь о Дании иль Польше –
Мы знаем: журавли гораздо смыслят больше

Об этих казусах, чем мудрые земли.
Хоть вспомни Ивика! Хвала вам, журавли!
Приличие? И тут ты повторял, бывало,
Что мудрая о нем старуха толковала:
«Приличен каждый зверь, носящий сзади хвост,
Затем что он умен, а между прочим прост».
Взгляни в Степановке на Фатьму-кобылицу:
Ну, право, поезжай в деревню иль столицу,
Едва ль где женщину ей равную найдешь, –
Так глаз ее умен, так взгляд ее хорош.
Вся в сетке, рыжая, прекраснейшего тона,
Стоит и движется, как римская матрона.
Так не претензиях тут дело, а в одной
Врожденной чуткости. – Подумай-ка, какой
Дубиной нужно быть, чтоб отрицать искусство,
Права на собственность, родительское чувство,
Самосознание, – ну, словом, наконец,
Всё то, чего не знать не может и слепец.
А этим юное кичится поколение!
К чему ж их привело природы изученье?
Сама природа их наводит на беду.
Поймавши на слове, я к Фатьме их веду.
Она хоть нежный пол и ходит в кринолине,
Но не уступит прав на кафедру мужчине.
Что ж проповедует она? Ее сосун
Щипал при ней сенцо. Вот подошел стригун
И стал его теснить, сам ставши над корытом;
Но истинная мать так зубом и копытом
Сумела угостить пришедшего не в час,

Что тот не сунется уж к ним в другой-то раз.
«Что ж, сила грубая! На то она кобыла!».
Груба ль, нежна ль она, – я знаю: сила – сила.
То сила им груба, то тянутся из жил,
Чтобы расковырять указкой силу сил.
Но полно Пиерид пугать таким предметом.
Ужели нынешним тебя не встретит летом
Осинка «Reviendront» и необъятный пруд,
Где пихты стройные по берегам растут
И где гуляющий, как мощная Россия,
Пожалуй, невзначай наступит и на змия,
Где стройный хор берез и вереницы лип
Тебя приветствуют, блаженный Аристипп,
Где, умиления исполненный и жару,
Я пред тобой возжечь всегда готов сигару
И в дни июльские, когда горит душа,
Кричать «лупи его!», как срежешь черныша.
Люблю я видеть кровь лукавой этой птицы:
Бровь красная ее, дьячковские косицы,
И белые портки мне раздражают взор.
Но, кажется, опять понес я прежний вздор.
Привычка, подлинно, вторая в нас натура:
Наш брат куда ни ткнись – везде литература!
Вчера меня с утра охота петь взяла
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»;
Заставил я жену, забывши завтрак, рано
Усесться разбирать романс у фортепьяно.
Про этот я романс скажу тебе одно:
Коль услышать его мне будет суждено

От Полигимнии, его облекшей в звуки,
То прежде попрошу связать мне ноги, руки,
Чтобы, пришедши вдруг в болезненный экстаз,
Я в доме каковых не учинил проказ.
Но извини меня! я заврался безбожно,
Да сам же подал ты пример неосторожно
Ломать язык богов над будничным письмом.
Пора и перестать. Кончаю. Дело в том,
Чтоб озабоченный бездельем иль делами,
Ты не забыл писать мне прозой иль стихами.
Ты знаешь, как мне мил и дорог твой привет.
Жена приветствует тебя и твой А. Фет.

20 апреля 1864

Н. А. Офросимовой при посылки двух пуговок

Вас нет – и плакать я готов,
И ангел мой без вас вздыхает.
Старик-токарь своих трудов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.